

Родственники семьи Ду были довольны семьей Чжао. Когда другие члены деревни жили в домах из глины и камней, семья Чжао уже построила кирпичный дом. Дом был просторным, светлым и состоял из четырех-пяти комнат. У каждого из остальных детей, кроме Чжао Дацю и его жены, были свои комнаты, и не было необходимости тесниться друг к другу.

Их семейное происхождение было хорошим, и сам Чжао Нань тоже не отставал. В то время молодому человеку было всего пятнадцать или шестнадцать лет, другие сверстники его возраста все еще бездельничали, но он уехал за тысячи миль от дома, чтобы вступить в армию. Теперь каждый из товарищей его детства работал в поле за еду, но у него уже было высокое военное звание. Говорили, что только на его денежное содержание прокормить семью не будет проблемой. Что еще более важно после того, как он женится, у него хватит квалификации, чтобы позволить своей семье сопровождать его в армию. Учитывая только это, сколько семей, в которых также были люди в армии, испытывали зависть?

После ухода из семьи Чжао несколько женщин сказали, что Ван Тунхуа повезло, что у нее Ду Баоцинь, такая хорошая дочь. В будущем у нее могла быть счастливая и процветающая жизнь.

Ван Тунхуа вспыхнула от радости, когда услышала похвалу. Был ли кто-нибудь, кто бы так льстил ей до сватовства с семьей Чжао? Не имело значения, были ли эти слова искренними или фальшивыми, она почувствовала себя комфортно, когда слышала их.

Вернувшись домой, Ван Тунхуа мобилизовала всю семью, чтобы убрать дом Ду внутри и снаружи, включая передний двор и клетку для кроликов, пока они ждали семью Чжао, которая навестит их на следующий день.

На следующий день после завтрака она почувствовала себя неловко и начала перепроверять каждый уголок в доме.

На кухне Цзян Жуй готовила в двух кастрюлях одновременно, в одной из которых медленно обжаривала семена дыни на медленном огне, а в другой добавляла коричневый сахар и чай с финиками, готовясь к приему посетителей, которые должны были прибыть через некоторое время.

После обжаривания семян дыни не спешите размешивать их, выложите в форму и дайте им медленно остыть. Слегка пригоревший аромат наполнил всю кухню. В прошлом Ду Баочжэнь долго ждала бы рядом с ней, горя желанием откусить кусочек, но сейчас ее нигде не было видно.

Цзян Жуй была немного озадачена, но это была всего лишь мимолетная мысль, и она не стала слишком глубоко задумываться. Она сняла фартук и вышла из кухни, намереваясь вернуться в свою комнату и переодеться, чтобы встретить гостей.

Как только она вошла в главную комнату, то услышала, как Ду Баочжэнь и Ван Тунхуа спорят. Она послушала, и оказалось, что Ван Тунхуа считала, что стол Ду Баочжэнь недостаточно опрятная и ей нужно было прибраться, но Ду Баочжэнь не позволяла ей прикасаться к своим вещам.

Цзян Жуй знала причину, по которой она не позволила ей этого – в ящике стола лежало письмо от Хань Венке.

Видя, что ссора между ними становится все громче, Цзян Жуй толкнула дверь и вошла:

— Мама, на столе лежат учебные материалы Баочжэнь, мы не пойдем. Если мы приведем в

порядок для нее, это может привести к еще большему беспорядку, что задержит ее учебу, почему бы нам не позволить ей сделать это самой?

— Ты думаешь, мне нравится трогать ее вещи? Как может комната девушки выглядеть в таком беспорядке? Позже, когда семья Чжао увидит это, они подумают, что наша семья плохо учила нашу дочь! — сказала Ван Тунхуа, и ее грудь вздымалась вверх-вниз от гнева.

Ду Баочжэнь обняла ее за шею, бормоча, чувствуя тревогу и вину:

— Семья Чжао, семья Чжао, это всегда семья Чжао! Просто потому, что у их семьи есть немного денег. Они не император, почему ты спешишь им прислуживать?

— Баочжэнь! — Цзян Жуй остановила ее криком: — Как ты можешь так разговаривать с мамой? — затем она остановила Ван Тунхуа, которая собиралась заговорить: — Мама, я уговорю Баочжэнь убраться, не волнуйся. Семена дыни и чай готовы, ты можешь пойти проверить, все ли в порядке со вкусом, если он недостаточно хорош, я подправлю вкус до прихода гостей.

В конце концов, вопросы с кастрюлей оказались важнее. Ван Тунхуа пристально посмотрела на Ду Баочжэнь, подавила свой гнев и пошла на кухню.

Цзян Жуй закрыла дверь, взглянул на Ду Баочжэнь и сказал:

— Просто приведи в порядок книги, которые лежат на виду. Гости придут позже. Даже если ты не хочешь, ты не можешь быть слишком грубой, покажи хоть какое-то внешнее усилие.

Ду Баочжэнь постояла некоторое время, затем послушно подчинилась, уже без упрямства.

Цзян Жуй переделалась в чистую одежду, снова расплела волосы и заново заплела их в две косы. Сбоку внезапно протянулась рука с маленькой шпилькой в ладони.

Она подняла голову, и Ду Баочжэнь встала рядом с ней с надутым ртом. Видя, что Цзян Жуй не взяла шпильку, она неловко сказала:

— Сестра, я только что говорила не о тебе, и я также не имела в виду ничего другого.

— Я знаю, — Цзян Жуй кивнула: — Не будь такой в следующий раз. Есть способы решить проблему получше. Зачем тебе поднимать шум? Ты была встревожена и сказала что-то неприятное. В тот момент ты была бы счастлива, но не пожалеешь ли об этом позже?

Ду Баочжэнь угрюмо склонила голову и ничего не сказала.

Цзян Жуй не стала продолжать. Затем она взяла маленькую заколку для волос и посмотрела на нее при свете:

— Она красивая, откуда ты ее взяла?

— Мне его подарила одна из моих одноклассниц. У нее есть родственники в городе, которые купили его для нее, и она подарила его мне. Сестра, тебе будет к лицу.

Цзян Жуй сказала с улыбкой:

— Такая розовая и нежная, на тебе оно смотрелось бы лучше, чем на мне. Садись, я расчесу тебе волосы. Гости придут через некоторое время, если ты не хочешь их видеть, просто

выйди и покажись на минуту. Маме нравится хорошо выглядеть в глазах других, так что давайте сделаем ее счастливой и не позволим ей стыдиться перед таким количеством людей.

Она была опытной и помогла Ду Баочжэнь заплести ее волосы в две косы, приколов к концу косы маленькую шпильку.

Семье Чжао и их родственникам не потребовалось много времени, чтобы приехать, и семья Ду вышла встречать гостей. Даже если в их сердцах был какой-то узел, внешне они все равно были дружелюбны и вежливы.

Чжао Нань тоже пришел, и Цзян Жуй увидела, что как только он вошел в дверь, его взгляд скользнул по семье Ду, и он быстро нашел ее.

Она тихо улыбнулась ему, но он тут же отвел глаза.

Цзян Жуй подала чай каждому гостю, затем с покрасневшим лицом отправилась на кухню под поддразнивания толпы.

Когда никто не смотрел, она сидела на табурете, подперев щеки одной рукой и держа прутик в другой, рассеянно вороша оставшуюся золу в плите, которая еще не остыла.

Внезапно стало немного темно, и когда она подняла глаза, кто-то стоял в дверях кухни, загораживая свет.

Цзян Жуй улыбнулся:

— Угадай, о чем я только что думала?

Чжао Нань медленно приблизился, Цзян Жуй похлопала по другому табурету рядом с ней, он некоторое время колебался, прежде чем сесть.

Высокое и крупное тело выглядело странно, когда он съезжился на маленьком табурете. Поскольку два табурета стояли близко друг к другу, между его ногами и ногами Цзян Жуй почти не было зазора. Если бы он не был осторожен, они бы коснулись друг друга, поэтому все его тело было жестким и окоченевшим.

Не получив ответа, Цзян Жуй коснулась его колена своим и сказала с небольшим недовольством:

— Почему ты игнорируешь меня?

Чжао Нань выпрямился, положив обе руки на колени, выпрямив верхнюю часть тела и глядя прямо перед собой. Те, кто не знал, подумали бы, что он принял военную позу. Прошло некоторое время, прежде чем он сказал: — Я не могу догадаться.

Цзян Жуй надула щеки: — Мне было интересно, будешь ли ты искать меня, и если да, то сколько времени это займет?

Чжао Нань повернул голову и посмотрел на ее профиль сбоку: — Ты долго ждала?

— Не слишком долго, но я запекла на плите два батата, если бы ты пришел чуть позже, они были бы пережарены и уже не съедобны, — она несколько раз ткнула деревянной палочкой в золу и вытащила две темные обжаренные сладкие картошки, все еще очень горячие, их нужно было немного остудить.

— Кстати, ты все еще помнишь Баочжэнь? — небрежно спросила она.

Чжао Нань кивнул, видя, что она хочет потянуться за сладким картофелем, но не осмеливается, потому что он был слишком горячим. Итак, он взял один, повертел его в кончиках пальцев и подождал, пока пальцы привыкнут к температуре, затем медленно снял твердую черную оболочку.

Темные и твердые внутренности жареного батата были сладкого желтовато-оранжевого цвета. Цзян Жуй вдохнула сладкий запах, а затем продолжила:

— В тот раз ты спас Баочжэнь. Изначально брак, который сейчас обсуждают наши семьи, должен быть между тобой и ней.

Ее тон был ясным и непринужденным, как будто она говорила, что погода сегодня хорошая, но Чжао Нань чуть не раздавил сладкий картофель, когда услышал это. Он посмотрел на Цзян Жуй, а девушка пристально смотрела на сладкий картофель в его руке.

Он был в растерянности, гадая, что она имела в виду под этим, или она ничего не имела в виду? Постепенно, из-за того, что он был сбит с толку, он начал чувствовать раздражение, досаду на то, что он не был таким умным, как Чжао Бэй, и у него не так хорошо получалось делать людей счастливыми.

— Почему ты перестал чистить? — неуверенно спросила Цзян Жуй, когда увидела, что он внезапно остановился.

Чжао Нань продолжил движения руками, и через некоторое время он вдруг сказал:

— Мама упоминала об этом, но я не согласился.

Цзян Жуй кивнула, держась за подбородок: — Я знаю, тетя Чжан говорила моей матери раньше. Она сказала, что пыталась свести тебя со многими девушками, но ты не согласился ни с одной из них. Ты всего лишь согласился встретиться со мной. Узнав это, я почувствовала себя немного тщеславной.

Чжао Нань не смог удержаться и снова посмотрел на нее, и, увидев, что ее брови изогнуты, уголки его рта подсознательно последовали за ними и немного приподнялись.

Цзян Жуй, однако, сменила тему:

— Почему ты только что уставился на Баочжэнь?

Чжао Нань сделал паузу и собирался покачать головой, но Цзян Жуй продолжила:

— Я видела это, ты сначала посмотрел на всех, а потом просто посмотрел на нее, почему ты смотрел на нее?

Чжао Нань некоторое время молчала, затем честно спросил:

— Тебе нравятся цветы в ее волосах?

— Цветы? О ... ты имеешь в виду шпильку.

— Тебе нравится? — Чжао Нань кивнул и спросил снова.

Цзян Жуй поняла, что он имел в виду, и в уголках ее рта медленно появились две ямочки. Она не ответила ему, но сказала:

— Утром Баочжэнь собиралась одолжить мне свою заколку для волос, но я не хотела ее, это был подарок от человека, который ей нравится. Если я захочу носить шпильку для волос, то это будет от человека, который мне нравится.

Атмосфера на мгновение замерла, затем Чжао Нань заговорил немного торопливо:

— Я пойду куплю одну завтра.

Цзян Жуй прикрыла рот рукой и рассмеялась:

— Завтра канун Нового года, где ты собираешься это купить? Я шучу. Это не обязательно должна быть шпилька, если это кто-то, кто мне нравится, даже если он дает мне... гм ... — Она оглядела кухню, словно пытаясь найти пример, и, наконец, ее взгляд упал на сладкий картофель, который чистил Чжао Нань: — Даже если бы он дал мне запеченный сладкий батат, я была бы счастлива.

После этого Чжао Нань опустил голову и не сказал ни слова, но он очистил оба батата, и пока семья Чжао не ушла, его ушные раковины все еще были красными, но, к счастью, это было не очень заметно по его лицу, так что никто не мог сказать.

<http://tl.rulate.ru/book/105201/3714850>